

Ценности моей жизни

Резо Габриадзе — таинственный человек. Приглашая его на четверг в «Общую газету», мы затруднились определить основной вид деятельности. Сценарист? — ну да: знаменитые даниелиевские фильмы — «Не горюй!», «Мимино», «Кин-дза-дза», грузинские нежные короткометражки и другие смешные и ласковые ленты дают полное основание разговаривать с ним как с кинорежиссером... Но он отправил вместе с А. Битовым рисованного Пушкина за границу, иллюстрировал десятки книг, представил миру выставку скульптурных миниатюр и даже установил в Петербурге бронзовый монумент «Чижик-пыжик» — значит, и художник, и скульптор, немало... А он еще и режиссер: в Москве, в старом Ботаническом саду, в клубе «Огород», с успехом идет кукольный (зачеркиваем это слово, он его не любит, однако персонажи все-таки из дерева, металла и папье-маше) спектакль с названием «Сталинградская битва». Ни больше ни меньше. Зрители входят в зал, садятся на простые скамейки, без мест, и через полтора часа выходят потрясенные, удивленные или раздраженные, но ни в коем случае не безразличные к пережитому.

«Сталинградская битва»

— Что подвинуло вас, Резо, во время, когда связи между народами бывшего Союза стали ослабевать, когда война отодвинулась в памяти за отметку пятьдесят лет, взяться за столь сложную тему?

— Я сам немного удивляюсь, как посмел, но есть сюжет в этой жизни, мимо которых пройти нельзя, а вся моя жизнь в кино и в театре (в обычном театре) это был побег от таких тем. Я прятался от них.

— Прятался почему?

— Чувствовал тяжесть. Не воевал я, был в слабом возрасте, маленький. Значит, не пережил, как мог, и получилось бы, что это все конъюнктура.

— А теперь нет?

— Теперь нет. Наоборот. Да и волнует меня не маршалы и полководцы, их у меня почти нет. Там должна быть просто любовь, жизнь и смерть. В разных сочетаниях. В конце концов, как говорил Руставели, всем движет любовь... А тема эта нужна, я уверен, потому что война расплзлась по маленьким кусочкам.

— Этот интерес к прошлой войне имеет начало?

— Несколько начал. Иногда в этой грузинской разрухе встретить трогательность. Они и в Москве трогают, и везде — эти старички с промасленными уже колодами. Им эту материю полосатую уже не достать. Может быть, они эти колоды моют зубной щеткой.

Меня поразили однажды в Тбилиси виноватые глаза такого старичка. Как будто он стеснялся. У него был орден Славы, а ленточку он сам карандашом покрасил. На него молодой посмотрел: он смутился и рукой заслонил, и все. В чем он виноват, что наступил мир? Может быть, с этого началось? Я каждый раз говорю про идею Сталинграда и каждый раз вру, потому что сам не знаю, как это получилось...

Мы ехали из Парижа в Москву через Нормандию. Как раз совпало с пятидесятилетием открытия второго фронта. И там была маленькая старая площадь, как полагаются в провинции, в том самом городе, где союзники высадились. На площади были вывешены флаги стран антигитлеровской коалиции. Всех стран. Кроме одной. Большой страны, которая тоже вроде бы...

Я никогда не был патриотом Советского Союза. Я как-то с ним прожил параллельно, мы друг друга не беспокоили особенно. Не задевали. Я чувствовал, что страна сильная, мощная. Я как-то спрятался от нее. Даже протеста не было... А вот отсутствие флага задело...

— Может, это? А может быть, кто-то спросил: что будете ставить после «Маргариты», а я сказал «Сталинградскую битву», и потом пришлось отдуваться.

— В вашем спектакле отсутствовал главный герой...

— Н-е-е-е... Есть там главный герой. Там много жандармов, в которые вменялась война. Разные люди. Судьбы и смерть. Но герой есть — это лошади. Алеша его зовут.

— Почему лошади?

— Потому что она красивая. И потому что в русской литературе очень много достойных лошадей. Нельзя кулу русского солдата сделать главным героем. Как это выполнить, научите. Кстати, знаете, сколько лошадей погибло в Сталинградской битве? Десять тысяч. Поле битвы было усеяно танками и лошадьми... В той войне все были солдатами.

Возвращение лягушки

— Резо, ваше творчество связано с Грузией. То, что вы делаете, окрашено национальной культурой. Изменилось ли сегодня ваше представление о грузинском характере и национальном образе?

— Изменилось, но не так резко, как в России. Потому что «новые грузины» были уже давно, хотя их меньше, чем «новых русских». Остановилось очень много военных заводов и не вполне военных, и это было бы очень хорошо, если бы люди нашли себе другую работу. Знаете, портили они производством природу, травили хороший материал и порождали много проблем. Сейчас реки очистились. Рыбона не унаешь, она стала такой, какой ее увидели артонавты или, допустим, мой дед. Стрекозы появились, лягушки заквакали. Лягушка — тонкая вещь, она говорит о здоровье Земли. Не смеяться

надо мной, и над ними тем более. Это все хорошо. Но безработица.

Что еще с нами случилось — с Россией и Грузией? А то, что крестьянин прибежал к радиатору. Радиатор — это то, что дает тепло. Сидит у радиатора, играет в домино, и у него претензии. Амбиции — наполняются... И вдруг оказывается, что радиатор бывает холодным. Тогда он вспоминает, что есть деревня, что он бросил там дом... Я никогда столько коров в Грузии не видел, и скота вообще, как теперь. Часть людей занята, другая ищет какое-то занятие. Что я вам рассказываю — в России то же самое, в провинции.

Еще из хорошего: блондинка восемнадцатилетняя в шортиках может пройти до границы с Азербайджаном до моря, и никто ее не заденет (если она не будет провоцировать).

— Ну что тут хорошего?

— Хорошее, что люди успокои-

лись. Сердце скнуло от гордости, когда я узнал, что австрийская школа была там представлена, и швейцарская — юнговское направление. Французы, с ними понятно, — эти в вине понимают, американцы, естественно. И москвичи. Этих я не считаю серьезными, потому что они знают, куда едут и зачем.

И все они приезжают в Кахетию, человек пятьсот. А дальше сцена — величавое ничто. Советский Союз не сделал. Ни «Броненосец Потемкин», ничего. По крайней мере, я не вижу.

На передней арбе сидит сам академик, сзади идет, как и полагается, арба великой России, дальше специалисты по подсознательному из Австрии, господа из Лондона с узкой специализацией по женской психологии... и так на километр. Вокруг жареных поросят несут на палках с редиской во рту, виноград, бурдюки... Местные жители улыбаются, все шапки снима-

пришла катастрофа. Мы должны об этом знать. И все. Никуда мы друг от друга не убежим, если вы и мы останемся культурными. Мы встретимся во Франции, на Филиппинах, в Китае и сразу друг друга поймем. Понимаем же. В темном зале сидят русские зрители на спектакле у Роберта Стурра, Бубу Кикабидзе слушают. Тамару Гвердцители... Аплодируют. В Тбилиси у российских артистов и музыкантов полные залы... И политические проблемы решаемы.

— Ходят ли в Грузию люди в театр?

— Очень ходят. Театров стало много, и правильно это. Они рождаются, как пузыри на луже, и лопаются. Нормальный процесс идет, театральный процесс это. Сегодня объединились, потом разошлись. Они же должны все время ссориться, мы — режиссеры — неприятные люди. Хороший процесс это. Здоровый процесс. Правда, хотелось бы, чтобы при этом все было в красивой форме, как на Западе. Но с формой у нас вообще беда с вами. Мы не умеем друг друга подушками бить, все — камнями.

— Роберт Стурра сказал, что для Грузии театр — это такая жизненно необходимая антиреальность. Вы разделяете это?

— Наверное, так, раз Стурра сказал. Он же не может неправду сказать.

— Ну у него своя правда, у вас своя. Вы согласны с этим? Что грузины любят в театре? Великую иллюзию?

— А кто ее не любит? Аргентинцы не любят? То же самое русские, эти вообще такие театралы! Такое устроили для всей планеты в двадцатом веке! Из-за театральности вот это все... Слушайте. Мы по

Так что получалось, что я праправнук Родена. Он был замечательный человек — вообще не понимал, где живет. Так и ушел со света, не зная разницы между райкомом и исполкомом. Меня удивляло, как его не расстреляли. Происхождение плохое, отец — банкир лионского банка в Кутаиси. Прямо готов. Но спасся. И потом я догадался. Был такой художник Пророков. Он рисовал в «Огоньке» американских детей, как они в мусорных ящиках роются, и американских безработных в шляпах с лентой, что было видно, как на ней соль проступила от пота. Старая, мол.

А поскольку у моего учителя тоже была шляпа, и одна, то соли там очень много было. И он получался как будто американский безработный, только в Кутаиси. Его же не расстреляешь. Я его спросил как-то, а как вы, Валико, спаслись в 37-м? Он рассказал, что в Кутаиси скульптор Микоталдзе поставил памятник Сталину. И сделал насечку, которая смотрелась как рубь на лице. Вы представляете Сталина такого? Обком испугался, и приняли меры: велели местному художнику, моему учителю Валико, сделать лицо гладким. Значит, это было в 36-м году. Построили такой ящик вокруг Сталина из фанеры и лесенку. В тридцать шестом он начал шлифовать. Там работы было в общем-то на полтора дня. Просто пройти шкуркой. Но он догадался, как жить. Вы представляете, напротив райкома и КГБ человек сидит в ящике и стучит целый день. Я говорю, дядя Валико, а как это происходило? У меня, говорит, там был камень один и молоток. Я по камню стучал. И время от времени выпускал каменную пыль на улицу, когда начальство выходило. И

соседа... Иногда я сижу на спектакле, и мне стыдно: человек, мой ровесник, ходит по сцене и изображает что-то. Наш советско-буржуазный театр устарел. Были замечательные спектакли, но это направление уходит.

— Каким же вы хотели бы видеть театр сегодня?

— Театр, который пахнет едой. В котором люди живые.

— В вашей биографии была такая страница, как приход, а потом уход из театра Образцова. Что там произошло?

— Но вы ведь давно уехали оттуда. Связи остались?

— Конечно, и друзья, и обожаемые люди. Священник Гаги Мосишвили, например. Замечательный человек, который в отличие от Валико, просидевшего четыре года в ящике, семнадцать лет просидел в лагере. Он с третьего курса мединститута ушел в церковь. За веру его посадили. После войны выпустили, а в пятидесятком посадили опять. Пионеры ехали на грузовике через реку. Машина застряла, дети прыгнули в воду, и русские, и грузины. Тут откуда-то появился Гаги и всех их в этой реке покрестил. Кто-то стукнул, и он еще лет пять просидел.

— Сравнению с вами вообще никто. — А еще Стурра ругал грузинскую особость, как и русское мессианство.

— Есть такое. Он, наверное, прав. Есть эгоцентризм такой. У каждой страны. Это здоровое чувство. Поэтому грузины не исключение. Есть и русский эгоцентризм. Это помогает работать машине, которая называется наша планета. Главное — сохранить гармонию, насколько это возможно.

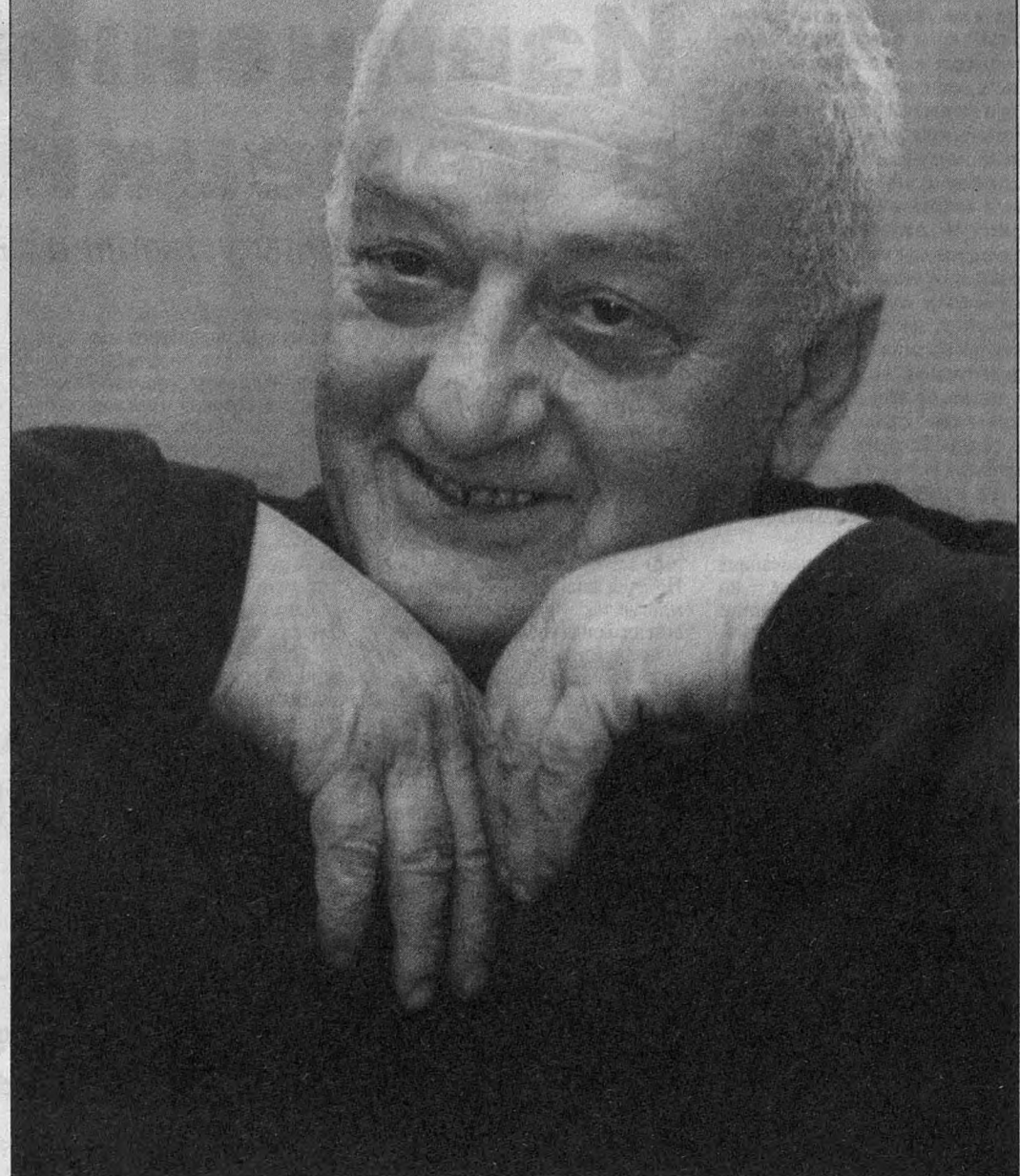
— Театр марионеточного режима

— Чем привлекает вас спектакль с марионетками?

— На Западе я работал с живыми актерами Кругового театра, и все удачно получалось, но здесь несерьезно относятся ко мне. И — интриги. Они ведь как дети, эти актеры. Их все время надо ласкать. Я умею ласкать, но там есть коварное место — не увлечусь.

— Когда мы говорим об этом спектакле как о марионеточном — это ошибка. Я ставлю общетеатральные задачи. В спектакле важна для меня цельность. Как яблоко.

— Для меня ужасно, если зритель во время действия посмотрит на

Легкие следы

все шло хорошо. В сороковом он вернулся к нам. Отсидел в ящике.

— Вы много странствуете по свету. Существует ли место, где пропущена ваша душа?

— Грузия, конечно. Мой родной город Кутаиси сформировал детские впечатления очень сильно.

Настолько, что всю жизнь как бы описывал Кутаиси, придумывал его. России побавался. Не дай бог рассердился. Всегда был комплиментарен к ней. А в Кутаиси все тепло и знакомо.

— Но вы ведь давно уехали оттуда. Связи остались?

— Конечно, и друзья, и обожаемые люди. Священник Гаги Мосишвили, например. Замечательный человек, который в отличие от Валико, просидевшего четыре года в ящике, семнадцать лет просидел в лагере. Он с третьего курса мединститута ушел в церковь. За веру его посадили. После войны выпустили, а в пятидесятком посадили опять. Пионеры ехали на грузовике через реку. Машина застряла, дети прыгнули в воду, и русские, и грузины. Тут откуда-то появился Гаги и всех их в этой реке покрестил. Кто-то стукнул, и он еще лет пять просидел.

— Сравнению с вами вообще никто. — А еще Стурра ругал грузинскую особость, как и русское мессианство.

— Есть такое. Он, наверное, прав. Есть эгоцентризм такой. У каждой страны. Это здоровое чувство. Поэтому грузины не исключение. Есть и русский эгоцентризм. Это помогает работать машине, которая называется наша планета. Главное — сохранить гармонию, насколько это возможно.

— Театр марионеточного режима

— Чем привлекает вас спектакль с марионетками?

— На Западе я работал с живыми актерами Кругового театра, и все удачно получалось, но здесь несерьезно относятся ко мне. И — интриги. Они ведь как дети, эти актеры. Их все время надо ласкать. Я умею ласкать, но там есть коварное место — не увлечусь.

— Когда мы говорим об этом спектакле как о марионеточном — это ошибка. Я ставлю общетеатральные задачи. В спектакле важна для меня цельность. Как яблоко.

— Для меня ужасно, если зритель во время действия посмотрит на

надписью «Кутаиси», я от ответственности чуть в обморок не упал. Меня пришлось вывести вообще.

— Ученики есть у вас?

— Я не Христос, чтоб учеников иметь.

— А школа? Можно говорить о школе Габриадзе?

— Нет. Конечно, нет.

— Кулы — это те самые актеры, которых обязательно водят люди. Тем не менее марионеток водят люди, они молоты и они учатся у вас. Разве это не ученики?

— Ну можно так, наверное, назвать их. Но я не знаю. В быту я довольно неприятный человек, потому что требую работу, я сам рано встаю, и это создает неудобство.

Искусство жизни

— Чем вы сейчас заняты?

— Буду делать новый спектакль, хочу сделать очень смешно. Потому что «Сталинградская битва» — это реквием, страшно в реквием жить. Не хочу. Чтобы как-то веселее было. Кстати, почему это время так невозможно нас всех раздражает: и русских, грузин, почему народ так недоволен? Может быть, вы сможете мне помочь. В 20-х годах голод, все несчастье, и появляется Остап Бендер, появляется Булгаков... Хлеб 120 граммов норма, извините, виш, холера, все есть, а дух — высок. А сейчас: ни одна Клеопатра не имела такого набора вкусных вещей, а все время — тоска у нас, тоска, тоска. Вот эта проблема серьезная, но она, мне кажется, обесценивается. Потому что там тоже с моста прыгают.

И еще у меня здесь есть одно серьезное дело. Симпатичные среднего возраста московские архитекторы построили в Москве прекрасное здание, в старом Ботаническом саду на Проспекте Мира, и пригласили меня сделать интерьер. Они приезжали смотреть мое кафе. Такое маленькое очень, четыре столтика, а его разрисовал в театре в Тбилиси. И это им понравилось. В Москве серое небо, пас-

мурная погода, это очень серьезная проблема. От этого идет депрессивная одежда, депрессивная толпа, и весь этот ужас наваливается на человека. Сейчас тихотино, и какие-то тональности появляются розовые, пастельные. Запахи появились. Походите по Москве. Смейтесь человек, это и есть свобода. Вы не представляете, как вы изменились. Вот в Москве же никто не улыбался. Теперь лица появились, и очень даже красивые...

— Вы бы себе какой дом построили?

— Мне лично нужен дорожно-строительный трехкомнатный вагон.

— Вагон должен двигаться?

— Нет, колеса, чтобы не утащи-ли, сразу надо отвинтить.

— И где его надо поставить?

— Есть такие места. Вообще, надо его ставить там, где перед вами никогда ничего больше не построишь. Когда наши люди покупают дом, или квартиру, или комнату, они идут кухню смотреть. Я там на Западе увидел, что они сразу же идут к окну. Что он будет видеть. Это же божий мир, как отсюда выгляди. Они покупают окна. А мы покупаем кухню. Вот разница.

Я когда был студентом, снимал комнату, а моя хозяйка ее не то продавала хотела, не то обменяла. Это годами продолжалось. И я помню: просыпался и кто-то входит и бьет по стене ногой. Это капитальная? Я говорю, нет. Вот так выбирал у нас, до сих пор выбирают. Чего в жизни капитального?

— Вы говорили: мы должны пройти по Земле, чтоб не оставили следов?

— Вообще, эта концепция мне по душе. Все мои друзья, которые вот так прошли, жили красиво. А у меня немножко не получилось в этом смысле.

Резо Габриадзе идет по земле, оставляя следы. Порой глубокие. После дождя в них набирается вода. Листья плавают. Небо отражается. Небесполезные для чужих жизней следы. Может завестись и лягушка, тонко чувствующая чистоту природы.

Подготовил Юрий РОСТ Фото Артема ЖИТЕНЕВА

Регулярные рейсы: Магадан, Якутск, Южно-Сахалинск, Анадырь, Ганджа, Петропавловск-Камчатский, Баку, Владивосток, Ташкент, Хабаровск, Иркутск.

Тел: (095) 323-84-59
Факс: (095) 958-21-88
www.dmo.tch.ru

Домодедовские авиалинии

14-2006-2001

Reso Gabriadze